

Л. К. Рябова

О патриотизме русской эмиграции: интерпретации и практики в 1940-х годах

В истории русской эмиграции явление патриотизма было и до сих пор остается одной из самых сложных и спорных в своей противоречивости и неоднозначности проблем, которые следует отнести скорее к категории нравственных. Ни одно из политических течений эмиграции нельзя упрекнуть в том, что они были «непатриотичными» — патриотами России называли себя все, от монархического до республиканского секторов эмиграции, от тех, кто призывал к новому «походу против советов» до апологетов «возвращенства». Особенно остро разночтения в трактовках патриотизма проявились в эмигрантской среде в годы Второй мировой войны и после ее победоносного завершения. Для понимания и характеристики патриотических настроений русских людей, живших уже давно вне пределов России и тех, кто оказался за рубежом в годы и после войны, не совсем верно исходить из простого определения патриотизма как «любви к родине». С учетом того, что среди эмигрантов дискутировался не только вопрос об отношении к советской России, но и само содержание термина «патриотизм», обращение к поведенческим практикам послевоенного времени следует предварить кратким обзором «независимых» (имеется в виду главным образом зарубежная историография) теоретических построений, в которых

**Рябова Людмила
Константиновна**
канд. ист. наук, доц.,
Санкт-Петербургский
государственный
университет
(Санкт-Петербург,
Россия)

понятие «патриотизм» рассмотрено вне контекста изучаемого времени и национальной идентичности.

В современном мире патриотизм остается одной из важнейших форм «групповой привязанности», начало научного рассмотрения которой, преимущественно в психологии и социологии, идет еще от «Исследования авторитарной личности» Т. Адорно (1950) и продолжается в работах его последователей и критиков. В зависимости от критериев классификации приняты множественные определения патриотизма. В статье «О разновидностях национальной привязанности: слепой патриотизм против патриотизма конструктивного»¹ американские исследователи предприняли обзор значительного числа работ середины — второй половины XX в., написанных в различных областях гуманитарного знания. Были выделены гражданская и военная формы патриотизма; патриотизм «по невежеству и иррационализму» и патриотизм «по причине разногласий»; «псевдопатриотизм» (слепое влечение и некритическая соотнесенность) и «истинный патриотизм» (любовь к своей стране и привязанность к национальным ценностям, основанная на критическом понимании)². В более поздних работах предлагаются и другие варианты патриотизма: «абсолютный» и «случайный». Последний предполагает конкретную ситуацию, которая его оправдывает, в рамках же традиционной концепции патриотизм определяется как абсолютная и постоянная ценность, что проявляется в поддержке своей страны, когда ситуация становится особенно жесткой³. Примеры такого опыта патриотизма в «жесткой ситуации» Первой мировой войны обобщены в материалах международной конференции «Patriotic Cultures during the First World War»⁴.

Исследователи отмечают также, что со временем критерии определения многих ключевых понятий (нация, национализм, государство), в том числе понятия «патриотизм», меняются, что требует терминологической ясности⁵. Тому, как трансформировалось понятие «патриотизм» и как менялось его содержание в исторической динамике, посвящена работа М. М. Крома⁶. В России подобные определения даны преимущественно в рамках философии и социологии, и они не всегда удовлетворяют запросам исторической науки. В этом смысле нельзя не согласиться с тезисом о том, что понятие «патриотизм» достаточно проблемно с точки зрения его научного определения, поскольку, относясь к сфере социальных ценностей, оно имеет сильную эмоциональную составляющую⁷. Предлагаемые определения патриотизма не могут быть универсальны и применимы к различным его проявлениям. Согласно одному из определений, «патриотизм обнаруживается в единстве личности и социальной системы, т. е. в социальной солидарности, включая все ее уровни — солидарность между личностью и институтами, личностью и государством, межличностную солидарность», которая достигается лишь при «устойчивой системе социальных ценностей»⁸. Если принять такое определение, то представителям русской эмиграции следует отказаться в патриотизме, поскольку в данном случае «единство личности и социальной системы» отсутствует изначально. Это лишь один из примеров, показывающих, насколько трудно выстроить критерии не только определения самого понятия, но и оценок позиций различных групп эмигрантов в их отношении к России.

Вопросы о том, как и в каких формах проявлялся патриотизм в эмигрантской среде и какие дискуссии вызывали различные его трактовки, исследователи рассматривали главным образом применительно к ситуации 1920–1930-х годов. В отношении же эмиграции военного и послевоенного времени эта проблема исследована в значительно меньшей степени как раз в силу терминологической неопределенности и, как пишет З. С. Бочарова, в силу непримиримых позиций действующих лиц, неоднозначности нравственных оценок и скудости источниковой базы⁹. В отдельных его аспектах патриотизм данного периода рассмотрен в ряде работ¹⁰.

В наибольшей степени проявление патриотических настроений отражено в публицистике. Эмигрантская периодика 1940-х годов сосредоточена главным образом в Нью-Йорке и представлена широким спектром политических направлений, сложившихся в довоенной Европе еще в первую волну «исхода». Публикации военных и первых послевоенных лет в таких известных изданиях, как «Новое русское слово», «Социалистический вестник», «Новый журнал» и других, дают исключительно яркие свидетельства обострения патриотических чувств, богатых эмоциями дискуссий и возродившихся надежд. Ситуация меняется в конце 1940-х годов, когда русскоязычная периодика в США становится пропагандистским инструментом в информационной войне против СССР¹¹.

В публицистике изданий различной направленности отношение к России варьировалось от поддержки советской власти до пораженческих призывов¹². В этой ситуации достаточно взвешенную, хотя и непримиримую по отношению к советской власти позицию занял «Новый журнал», на материалах которого преимущественно будут рассмотрены «культуры патриотизма». Возникший в условиях войны (1942 г.) журнал помещал публикации, касавшиеся различных ее сторон — от положения на фронтах до международных отношений в целом. Но главное внимание было уделено России, в частности вопросу о том, как теперь следует понимать патриотизм. Издатели журнала определили свою политическую позицию уже в первом номере, заявив: «[Независимо от того, кто руководит сейчас страной в борьбе с Гитлером,] мы всей душой желаем России полной победы»¹³. Патриотическое кредо было сформулировано вполне конкретно: редакция считала своим долгом говорить правду о России («что возможно сейчас только в США»), не призывая к насильственному свержению власти, ибо в военное время это недопустимо. Единение эмиграции («забыть расхождения 1917 г.») и помощь России признавались необходимыми¹⁴. Указанные базовые принципы подкреплялись целым рядом статей, в которых известные политики, ученые, литераторы выражали свое понимание патриотизма, обозначив, по сути, те проблемы, вокруг которых в эмигрантской среде возникали наибольшие разногласия.

Прежде всего обращает на себя внимание резкая критика в адрес публикаций в западной прессе, касавшихся причин успехов Красной армии. Было очевидно, что на Западе не хотели признавать патриотизм русских людей, подыскивая какие-то специальные объяснения (людей «гонят на убой» и т. д.), не желая объяснить доблесть советских солдат «естественным чувством патриотизма и любовью к родине». «Защита России, уничтожение нацизма»

в эмигрантских кругах объявлялись основным постулатом: «Мы с радостью видим, что таково же настроение большинства русских граждан и выходцев из России здесь, в Америке. У всех них одно желание — помочь, как могут, борющемуся народу русскому. Исключением являются только незначительные группы: одни просто предали родину за тридцать сребренников и празднуют теперь — по случаю вторжения наци в Россию — “Светлую Пасху”, а другие — по неразумию — затмили свою любовь к родине ненавистью к большевикам»¹⁵. Эмоциональная окрашенность была характерна для большинства статей на эту тему, однако появлялись и серьезные аналитические публикации, которые интересны даже с точки зрения развития историографии истории Великой Отечественной войны. Такова объемная, снабженная солидными статистическими данными, почти научная статья Н. С. Тимашева «Сила и слабость России». Несмотря на свойственную автору непримиримую позицию по отношению к советской власти, в статье достаточно беспристрастно рассмотрено состояние страны. К несомненным плюсам развития довоенной России Н. С. Тимашев отнес пространство как фактор русской стратегии, «далеко продвинувшуюся индустриализацию» и «заблаговременную подготовку к войне», результатом чего было «повышение военно-промышленного потенциала», причем не «по капризу» власти, а вследствие восстановления исторической тенденции, начавшейся задолго до революции: «Цифры опровергают распространенное, особенно среди иностранцев, представление о дореволюционной России как о стоячем болоте». К плюсам было также отнесено «возвращение на путь исторической традиции в культуре», в том числе воспитание патриотизма (появились забытые слова «отечество», «патриотизм», «Россия» и др.), развитие социальной сферы, смягчение преследования религии, преодоление неграмотности. «Россия вновь нашла себя. У русского человека есть опять за что сражаться: и народная гордость, и хотя бы очень ограниченное, но все же реальное экономическое благополучие и, главное, надежда на лучшее будущее»¹⁶. Обозначая очевидные минусы (общая историческая отсталость России, «длительные эффекты революционных разрушений», железные дороги, «доведенное до логического предела единовластие вождя»)¹⁷, Н. С. Тимашев с нескрываемой гордостью за страну завершает статью выражением надежды на победу в войне. Вместе с тем публиковались статьи с критикой патриотического лозунга «Кто не с нами, тот против нас!», в которых высшим проявлением патриотизма объявлялся «антибольшевизм»¹⁸.

Публикации военного времени касались практически всех вопросов, связанных с событиями на фронте и в тылу. В статьях 1942–1943 гг. авторы очень достойно пишут о Красной армии, солдатах и офицерах, о подвиге народа, сопереживают жителям блокадного Ленинграда, приветствуют возрождение национальной культуры, перемены в отношении к религии, с чувством нескрываемого патриотизма, с болью и гордостью за русский народ проводят аналогии с кампаниями 1812 и 1914 гг.¹⁹

Существенные разногласия в эмиграции возникли по вопросу об «истинных целях западных союзников» и послевоенном устройстве мира, в обсуждении которого русскому «патриотизму» противопоставлялась задача

сохранения европейских демократий²⁰. Особенно остро этот вопрос обсуждался в 1944 г. по итогам встреч в Москве и Тегеране в 1943 г., в частности вопрос о западных границах России, т. е. проблема Украины и Польши. Только в одном номере «Нового журнала» за 1944 г. (№ 7) помещено несколько статей на эту тему, авторами которых выступили известнейшие политики и ученые — А. Ф. Керенский, М. М. Карпович, Б. И. Николаевский, Н. С. Тимашев, В. С. Войтинский²¹. В дискуссиях с отсылками к истории России, Польши и Прибалтики в составе Российской империи обнаружилось разногласия по одному из самых острых и трудных вопросов — «что является истинной целью России», и где начинается политика, «России чуждая и вредная». «Патриотическая линия» (А. Ф. Керенский, Н. С. Тимашев, ранее — П. Н. Милюков и др.) защищала «восстановительную» политику советского правительства в отношении утраченных территорий²²; противники ее (М. М. Карпович, с осторожностью Г. П. Федотов и др.), высказывавшие «горячие и раздраженные возражения», не видели «никаких фактических оснований опасаться проведения “политики окружения” России со стороны ее союзников»²³. К этой теме эмигранты будут возвращаться еще не раз, и опасения возможного территориального распада России, в частности отделения Украины, стали одним из наиболее ярких проявлений патриотизма, скорее подсознательного, на уровне исторического инстинкта.

В этом отношении любопытна и достаточно актуальна статья Н. С. Тимашева, явившаяся ответом на публикацию Г. П. Федотова. Тимашев пишет:

Украинские сепаратисты иногда с возмущением заявляют, что Украина больше давала и дает остальным частям империи, нежели от них получает, потому что она богаче их. Они упускают из виду, что остальные части империи составляют для Украины и монопольный рынок, и монопольный источник сырья; а в наши дни обладание такими рынками и источниками сырья есть огромное экономическое преимущество, отсутствие которого подчас поднимает народы на войну. Провести экономический барьер по линии, разделяющей людей говорящих по-русски и по-украински, это значит резать по живому телу и поставить в тяжкое, почти безвыходное положение и тех, и других. Кстати, при этом Донецкий бассейн вовсе не отошел бы целиком к Украине, как то думает Г. П. Федотов; этнографическая линия его пересекает, и ампутация, по ней проведенная, в дополнение ко всему прочему разрушила бы наиболее мощную из экономических единиц, возникших на территории русской империи²⁴.

С особой силой «нота патриотизма» в этом вопросе и критика «расчленителей» будут звучать в многочисленных публикациях И. А. Ильина («Что сулит миру расчленение России», «Фанатики общественного договора» и др.)²⁵. Проблемы западных границ России найдут отражение в публикациях «Нового журнала» в 1945 г.²⁶

Своеобразной формой проявления патриотизма стала реакция интеллектуального слоя эмиграции на воззрения западных авторов в отношении исторического прошлого России. В условиях складывающейся советологии рассмотрение ее основных постулатов приняло устойчивый характер. В критико-библиографическом разделе каждого номера «Нового журнала» (за редким исключением) давался разбор концепций выходивших на Западе работ о России. Предметом критики эмигрантских авторов становились известные

ключевые тезисы: отличие от европейской цивилизации, русское варварство, изначальная, заданная русской историей и характером народа склонность к тоталитаризму, стремление к экспансии и пр. Так, в рецензии на вышедшую в 1943 г. в Нью-Йорке книгу У. Чемберлена «Русская загадка: интерпретация»²⁷ М. М. Карпович замечает:

Почему самодержавие и крепостное право являются «типично русскими учреждениями», для которых «нет эквивалента в западном опыте»? И можно ли сказать про русских царей, по крайней мере нового времени, что они были «абсолютными владыками над жизнью и собственностью их подданных»? Как бы ни была велика роль государственного вмешательства в различные стороны русской народной жизни, я бы все-таки затруднился назвать дореволюционную Россию, в любой период ее истории, «примитивным тоталитарным государством»²⁸.

Обзор и критика западных концепций исторического пути России, будучи постоянной практикой научных рефлексий, представляет отдельный интерес для изучения формирования западной русистики и советологии.

Не следует думать, что авторитетные имена и размышления на сложные историко-философские темы патриотического свойства можно было найти лишь в солидных толстых журналах. Наряду с известными влиятельными изданиями, заслуживают внимания и оставшиеся в их тени некоторые другие, в частности ежемесячный литературно-художественный журнал «Новоселье», издававшийся С. Ю. Прегель в Нью-Йорке с 1942 по 1950 г. (последние номера вышли также в Париже) и имевший репутацию откровенно «советофильского» издания²⁹. На его страницах печатались произведения И. Бунина, Н. Тэффи, А. Ремизова, Ю. Терапиано и других известных писателей. Примечательна, например, статья М. Слонима «Русский патриотизм» (1944), в которой автор подверг критике «сильные опасения» эмиграции по поводу «разросшегося» русского национализма, отличительные черты которого как сложного современного явления «эмиграция не способна понять». Защита России подкреплялась отсылками к мировому опыту:

...без чувства патриотизма и национального сознания нельзя построить прочного государственного объединения. Аксиома эта признается бесспорной, когда речь идет об Англии, Америке, Франции, но... становится почему-то губительной в приложении к России. Великобританцам, американцам, французам не возбраняется любить свое отечество, обладать национальной гордостью, превозносить свое прошлое и своих героев, считать себя и сильными и великими, и умными — а наличие подобных же чувств у русских возбуждает незамедлительные обвинения их в шовинизме и агрессивности³⁰.

Не менее яркая, типичная для этого времени, патриотическая статья В. Сухомлина, насыщенная терминами вроде «великая социалистическая держава», была направлена против антирусской кампании в американской прессе, против «маниаков антибольшевизма», формировавших американское общественное мнение в противостоянии с Россией, а также против тех сил в эмиграции, которые недооценивали национальные интересы России в вопросах послевоенного устройства мира³¹. Патриотическими чувствами пронизаны и литературные

произведения, публиковавшиеся в «Новоселье», многочисленные «стихи о Родине» в духе гражданской поэзии Н. Оцупа: «Но твоего врага / И я от всей души умею ненавидеть / За то, что смеет он в тебе добра не видеть»³².

Патриотическая тема поднималась в послевоенное время и в связи с появлением в Европе большого числа русских людей, главным образом «ди-пи» (displaced person), с которыми эмигранты имели возможность общаться. На протяжении нескольких номеров в «Новом журнале» за 1947 г. печатались главы из книги М. М. Корякова³³ «Почему я не возвращаюсь в СССР», написанной им на основе заметок периода работы в советском посольстве в Париже в редакции газеты «Вести с родины». Газета издавалась посольством для советских граждан, освобожденных из плена. Как пишет М. Коряков, после того как пошли широкие отправки советских военнопленных из Франции, «под заголовком “Вестей с родины” переменили надпись: для советских граждан, проживающих во Франции (вместо “освобожденных из немецкого плена”). В действительности же газета предназначалась для русской эмиграции»³⁴. Записки М. Корякова изобилуют впечатлениями от встреч со старой эмиграцией. О бывшем полковнике царской армии, с интересом и восторгом разглядывающем «русскую армейскую гимнастерку», М. Коряков пишет:

Понять полковника было нетрудно: он прямо, непосредственно любил Россию. Взгляд его на вещи не отличался сложностью, его можно сформулировать так: катастрофа 1917 г. была воспринята прежде всего как распад русской государственности. Не стало Российской империи, державной мощи, величия. Минуло четверть века, и Россия снова вышла в мировую ширь. Сталин собрал русскую землю: опять наша Прибалтика, наш Порт-Артур, можно считать, наша Польша. Чего еще? Русская государственность восстановлена. Если бы Сталин короновался, можно, пожалуй, и присягать³⁵.

Однако была и другая причина тяги к России, своеобразный патриотизм «от противного». Продолжая рассказ о семье полковника, М. Коряков упоминает о его родственнике, человеке молодом:

...этот России не знал, не томился по русскому духу. Любовь к России у него вспыхивала, точно искра при ударе, когда он отталкивался от Франции, от эмигрантской жизни. Он смеялся, нередко зло, над моей свежей, наивной, еще нерастраченной любовью к Франции и почему-то непременно старался разрушить мою очарованность: все твердил о чудовищном эгоизме французов, об их мелком и грязном мещанстве, о скупости и всеобщей продажности и, главное — о военном позоре³⁶.

«Просоветские» настроения в эмиграции автор объяснял и изменением общественного климата в послевоенном мире, когда еще звучала идея «великого партнерства», когда казалось, что наступает время единения наций, когда «атомизм» изжил себя, что именно в Советской России накоплен колоссальный опыт «обобществления духа». Это ощущение было дополнено свойственной значительной части эмигрантов религиозностью, обращением к русской исторической философии. «Мир проходит сейчас через Крест, и Россия первая подымается на Голгофу. <...> Но впереди свет, и Россия придет туда первая. Начинается русский период истории. На Крестном пути надо быть с Россией (сказано у До-

стоевского: каждый за все и за всех виноват). Надо пережить судьбу русского народа»³⁷. Таким образом, заключал М. Коряков, кто прельщался внешней, вещественной мощью советской державы, кто — духовной властью большевистской партии. Тоска по родине обострялась, очарованность овладевала душами. «Просоветская эмиграция, в сущности, и не хотела знать нынешнюю Россию: она заранее, загодя признавала, что там все хорошо, как нигде на свете»³⁸.

Говоря о патриотических чувствах в эмигрантской среде, нужно, конечно, разделять в ней интеллектуальную и политическую элиту и «обывателей», отношение которых к России проявлялось по-разному, но все они испытывали острое желание знать правду о России. Многочисленные примеры взаимного интереса и общения русских эмигрантов с советскими подданными, оказавшимися после войны в Европе, свидетельствовали о непростом выборе как тех, так и других между «свободой» и «родиной».

И если у некоторых русских эмигрантов при общении с советскими проявилась некоторая «зависть» к ним потому, что у них есть «родина», а у эмигрантов ее нет, то у советских проявлялась другая несомненная «зависть», что у русских эмигрантов есть «свобода», а у них ее нет. Некоторые эмигранты даже попробовали поменяться этими ценностями, пойдя в местные советские организации, сознательно желая переменить свою «свободу» на свою «родину». Были и советские, которые, признавая прелесть европейской свободы, все-таки не хотели менять свою родину на нее³⁹.

В этом отношении любопытны тексты, в которых отражалась мотивация «невозвращения» среди «ди-пи». Помимо опасения советских лагерей, прельщала «сытая и богатая» Европа: «Эх, полным-полна Европушка / И полнеет без конца. / Не брани, душа-заснобушка, / Молодого беглеца»⁴⁰. В этих и им подобных довольно невысокого художественного уровня стихах 1946 г. отразилось настроение значительного числа лиц, которые составят вторую волну эмиграции и вызовут неприятие, а часто и презрение представителей эмиграции первой волны.

Патриотические порывы значительной части русских эмигрантов в Европе и формирование «советского патриотизма», резонансная статья В. А. Маклакова 1945 г.⁴¹, посещение советского посольства в Париже группой эмигрантов и другие проявления «просоветских» настроений вызвали неоднозначные отклики в эмигрантской публицистике. Не случайно в 1945 г. в «Новом журнале» открывается специальный раздел «Эмиграция и советская власть». Одной из наиболее ярких реакций на «неврастению патриотизма» стала статья В. М. Вишняка «Соблазн патриотизма», в которой автор предпринял обстоятельный обзор истории и теории этого понятия, еще раз констатируя, что не существует общепризнанного понимания патриотизма, поскольку он подвижен во времени и изменчив⁴². В постскриптуме к статье автор заметил:

Мои взгляды на действительные нужды России встретили неодобрение и на другом крайнем фланге — у патриотов не новейшего большевистского призыва, а исконного «истинно русского» закала, эпохи чайных «Союза Русского Народа» и «Союза Михаила Архангела». Из Парижа в частном порядке сообщают, что там «бушует русский национализм».

Все, что не соответствует победоносному строю мысли, объявляется фашистским. В частности, можно услышать, что Вишняк, будучи евреем, психологически не способен слиться с русским национальным движением⁴³.

Если до сих пор речь шла о непростом для эмигрантов вопросе «Что есть патриотизм?», об оправдании своей позиции по отношению к Советской России, дискутируемом в политической публицистике, а также о проявлении патриотических чувств в иных нарративах послевоенного времени, то в области практических действий эмигрантов особого внимания заслуживает опыт «обмена ценностями» («свободы» на «родину»), т. е. движение за возвращение в СССР. В этом отношении представляет интерес русская диаспора в Швейцарии, история которой в наименьшей степени отражена в отечественной историографии.

В библиотеке Женевского института международных отношений в составе коллекции Б. Суварина хранится архив Е. Д. Кусковой⁴⁴, содержащий целый ряд документов, свидетельствующих о патриотическом настрое русских эмигрантов в Швейцарии в первые послевоенные годы.

В 1945 г. по инициативе И. С. Ремезова⁴⁵ в Женеве было образовано «Объединение лиц родом из СССР», или «Общество для возвращения». В декабре того же года Швейцарский федеральный департамент правосудия и полиции в Женеве утвердил устав Объединения⁴⁶. Составленный на русском и французском языках, устав определял (здесь и далее стилистика, орфография и пунктуация оригинала сохраняются):

[Объединение] является объединением физических лиц, подвергающихся, как таковые, распоряжением параграфов 60 до 79 Швейцарских гражданских законов.

Объединение ставит своей целью объединить всех лиц, родом из территории СССР, проживающих в Швейцарии, желающих восстановить свое советское гражданство, и в большинстве, желающих вернуться на родину. Объединение окажет наиболее широкую помощь своим членам, главным образом, в их сношении с советскими властями. (Помощь моральную, юридическую и, по возможности, финансовую).

Могут быть членами Объединения все лица, удовлетворяющие следующим условиям:

а. Быть родом из территории СССР.

б. Не занимавшиеся антисоветской деятельностью.

в. Признающие конституцию СССР.

г. Подписать заявление о вступлении в Объединение и действовать согласно его уставам.

Деятельность Объединения аполитична. Объединение и его члены считают своей обязанностью соблюдать всегда наибольшую корректность в отношении Швейцарии и ее властей⁴⁷.

В прочих параграфах (всего 12) определялся порядок деятельности Объединения, периодичность собраний, порядок отчетности и выборов комитета Объединения и другие организационные вопросы.

Деятельность Объединения активизировалась после восстановления дипломатических отношений между СССР и Швейцарией в марте 1946 г. Новым же мощным стимулом к деятельности Объединения стала серия указов Президи-

диума Верховного Совета СССР от 14 июня 1946 г., в которых шла речь о восстановлении в гражданстве СССР подданных бывшей Российской империи, а также лиц, утративших советское гражданство, проживающих на территории Франции, Югославии, Болгарии⁴⁸.

В информационном бюллетене комитета женевской секции Объединения от 30 июля 1946 г. говорилось:

Дорогой соотечественник, исторический указ от 14 июня 1946 г. призван стать решающей вехой в истории нашей эмиграции. Скоро и вы, житель Швейцарии, сможете восстановить советское гражданство, что позволит, таким образом, спустя 29 лет ожидания урегулировать свой юридический статус. Настал момент, когда нам следует объединиться в крепкую и живую колонию, беря пример с нашей великой Родины, частью которой являются разные народы, но где прекрасно понимают слова «солидарность» и «братство». Если вы уже выслали свое заявление на получение советского паспорта или собираетесь это сделать, мы уже считаем вас в числе наших друзей⁴⁹.

Всем желающим и заинтересованным лицам, проживающим в Женеве, предлагалось заполнить «Временную форму заявления о вступлении» в Объединение, которое на момент публикации информационного бюллетеня насчитывало в своих рядах 65 чел.; судя по поданным заявлениям, к сентябрю 1946 г. число членов должно было существенно возрасти и составить более 100 чел.⁵⁰ Эти прогнозы оправдались довольно скоро. Уже на следующий день в информационном бюллетене от 31 июля 1946 г. сообщалось (текст приводится в переводе с французского языка):

Дорогой соотечественник и товарищ,

По результатам заявок на ВОССТАНОВЛЕНИЕ В СОВЕТСКОМ ГРАЖДАНСТВЕ, поданных в Посольство СССР в Париже в первой половине июля, были получены первые результаты.

От 100 до 120 советских паспортов только что прибыли в Швейцарию, 74 из которых предназначены для членов и друзей нашего женевского «ОБЪЕДИНЕНИЯ».

Церемония приема новых советских граждан и выдача паспортов пройдет в конце этой недели, возможно, на общем собрании, на которое вы в скором времени получите приглашение.

Мы принимаем новую серию заявок, которые будут отправлены на следующей неделе в Париж с товарищем А. М. ЧЕРНЯКОМ⁵¹ из Цюриха (как и в первый раз), который имеет для этого все полномочия.

Призываем вас, в свою очередь, воспользоваться исключительно благоприятными административными условиями, которые нам предоставляются в данный момент.

<...>

Тем, кто не может заполнить формуляры по-русски самостоятельно, мы попросили помочь нескольких переводчиков. Вам будет предоставлена любая возможная помощь⁵².

Для оформления советского паспорта подавшие заявление должны были предоставить удостоверение личности: «нансеновское удостоверение (желательно), старый императорский паспорт, просроченный советский паспорт или российское свидетельство о рождении (при наличии — нотариально заверенный документ, подтверждающий российское происхождение)»⁵³. Таким образом, вернуться на родину получали возможность лица, давно проживавшие

за пределами России, или их потомки (не могущие «заполнить формуляры по-русски самостоятельно»), эмигранты первой волны, равно как и советские граждане, оказавшиеся в Швейцарии после войны, главным образом «ди-пи».

Уже 3 сентября 1946 г. в женевской секции Объединения состоялась церемония получения нового гражданства СССР и выдачи советских паспортов. В приглашении на церемонию говорилось:

Вот и наступает долгожданное событие!

Оно станет большим праздником для нашей просоветски настроенной женевской колонии и полностью удовлетворит наших соотечественников, доверивших нам выполнение необходимых формальностей, результат которых не заставил себя ждать.

Мы обязаны этим удивительным успехом нашему товарищу А. М. ЧЕРНЯКУ из Цюриха — в этот вечер он также будет присутствовать. Уполномоченный Посольством СССР в Париже, он работал не покладая рук над решением этой сложной задачи.

В ответ на первую серию заявлений, полученных из разных городов с 1 по 13 июля, в Швейцарию прибыло от 100 до 120 советских паспортов.

Через два дня примерно 60 паспортов будут вручены нашим членам и друзьям.

ПРОГРАММА

Открытие общего собрания президентом ОБЪЕДИНЕНИЯ и советский гимн;

Слово товарища С. КАРЦЕВСКОГО⁵⁴, президента;

Слово товарища А. М. ЧЕРНЯКА;

Поименный вызов новых советских граждан Женевы и выдача паспортов;

Административный отчет и инструкции владельцам паспортов;

Выступление секретариата.

В заключение прозвучит музыка и популярные советские песни⁵⁵.

Приведенные выше свидетельства, конечно, не исчерпывают в полной мере работы, которая велась и в других сферах жизни «компатриотов» (собрания, в том числе в церковных приходах, помощь советским военнопленным и т. д.), но отражают эмоциональное состояние эмигрантов в эти годы. Вместе с политическими дебатами, интеллектуальными диалогами, духовными исканиями и художественным творчеством практики повседневной жизни позволяют приблизиться к пониманию такого естественного, но непростого явления, как «патриотизм».

¹ Schatz R. T., Staub E., Lavine H. On the Varieties of National Attachment: Blind versus Constructive Patriotism // *Political Psychology*. 1999. Vol. 20, no. 1. P. 151–174.

² Ibid. P. 152.

³ См. подробнее: Nincic M., Ramos M. The Sources of Patriotism: Survey and Experimental Evidence // *Foreign Policy Analysis*. 2012. Vol. 8, no. 4. P. 373–388. — В отечественной историографии см. об этом: Шупленков О. В. Воспитание патриотизма в российском зарубежье 1920–1930-х гг. как средство национальной идентификации // *Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. История России*. 2011. № 2. С. 73–85.

⁴ *Культуры патриотизма в период Первой мировой войны: сб. статей / под. ред. К. А. Тарасова, сост. и предисл. Б. И. Колоницкого*. СПб., 2020.

⁵ *Saunders A.* The parameters of patriotism // *Saunders A. Honecker's Children: Youth and patriotism in East(ern) Germany, 1979–2002.* Manchester University Press, 2007. P. 24–49.

⁶ *Кром М. М.* Патриотизм, или Дым отечества. СПб., 2020.

⁷ *Жовтун Д. Т., Меркушин В. И.* Подходы к научному определению патриотизма // *Социология власти.* 2005. № 1. С. 112.

⁸ Там же. С. 114.

⁹ *Бочарова З. С.* «Прежняя анархия кончилась...» Русская прогерманская эмиграция после нападения Гитлера на СССР // *Россия XXI.* 2011. № 3. С. 180–199.

¹⁰ *Антошин А. В.* Российские эмигранты в условиях «холодной войны»: середина 1940-х — конец 1960-х гг. М., 2008; *Будницкий О. В.* 1945 г. и русская эмиграция: из переписки М. А. Алданова, В. А. Маклакова и их друзей // *Ab Imperio.* 2011. № 3. С. 243–311; *Бурыйгин Д. В.* Проблема отношения к советской власти в русской эмигрантской публицистике 1945 г. // *Вестник РГГУ. Сер. Литературоведение. Языкознание. Культурология.* 2015. № 4. С. 80–86; и др.

¹¹ См. подробнее: *Ручкин А. Б.* «Говорить с русскими от имени русских». Русская эмиграция в планах американских спецслужб в начале холодной войны // *Государство и гражданское общество: политика, экономика, право.* 2017. № 3. С. 163–186; *Шугайло Т. С.* Антисоветская пропаганда в русских эмигрантских изданиях в 1950-е годы (на примере газет «Россия» и «Новое русское слово») // *Ойкумена.* 2010. № 4. С. 24–37; и др.

¹² См. об этом: *Кулепанова (Шугайло) Т. С.* Советская Россия на страницах русскоязычной периодики в США в 1945 — начале 1950-х гг. // *Россия и АТР.* 2018. № 2 (100). С. 67–82.

¹³ От редакционной группы // *Новый журнал.* 1942. № 1. С. 5.

¹⁴ Там же. С. 5–7.

¹⁵ *Авксентьев Н. Д.* Россия в войне // *Новый журнал.* 1942. № 1. С. 206–207.

¹⁶ *Тимашев Н. С.* Сила и слабость России // *Новый журнал.* 1942. № 2. С. 192–197.

¹⁷ Там же. С. 199–205.

¹⁸ См., напр.: *Вишняк М. В.* Правда анти-большевизма // *Новый журнал.* 1942. № 2. С. 206–223.

¹⁹ *Далин Д. Ю.* Красная армия // *Новый журнал.* 1943. № 4. С. 273–293; *Керенский А. Ф.* Передышка // Там же. 1942. № 1. С. 183–202; *Тимашев Н. С.* Война и религия в Советском Союзе // Там же. 1943. № 5. С. 182–197; и др.

²⁰ *Вишняк М. В.* Россия, Европа и мир после войны // *Новый журнал.* 1942. № 1. С. 260–274; *Гальперин А. В.* Мир после войны // Там же. 1942. № 2. С. 263–271; *Денике Ю. П.* Можно ли спасти Европу // Там же. 1942. № 2. С. 283–298; и др.

²¹ *Керенский А. Ф.* О границах и о прочем // *Новый журнал.* 1944. № 7. С. 169–185; *М. К. [Карпович М. М.]* Россия и ее западные союзники // Там же. С. 364–368; *Николаевский Б. И.* «За вашу и нашу вольность» // Там же. С. 252–273; *Тимашев Н. С.* После Москвы и Тегерана // Там же. С. 186–201; *Войтинский В. С.* После победы // Там же. С. 220–237.

²² *Керенский А. Ф.* О границах и о прочем. С. 174.

²³ *М. К. [Карпович М. М.]*. Россия и ее западные союзники. С. 368.

²⁴ *Тимашев Н. С.* Обречена ли Россия? // *Новый журнал.* 1947. № 17. С. 162–163.

²⁵ Подробнее см.: *Рябова Л. К.* «Новый журнал»: публицистика послевоенного периода (1945–1952 гг.) // *Эмигрантика/Emigrantica: периодические издания русского зарубежья (вопросы источниковедческой критики): материалы междунар. конф., 15 октября 2011 г., исторический факультет СПбГУ.* СПб., 2012. С. 440–459.

²⁶ См., напр.: *М. К. [Карпович М. М.]*. «Русско-польские отношения» С. А. Коновалова. Западные границы России // *Новый журнал.* 1945. № 10. С. 386–387; и др.

²⁷ *Chamberlin W. H.* The Russian Enigma: An Interpretation. New York, 1943.

²⁸ *Карпович М. М.* Две новые книги о России // *Новый журнал.* 1944. № 7. С. 379.

²⁹ См. подробнее: *Трибунский П. А., Хазан В. И.* «Душевно ваша С. Прегель». Переписка С. Ю. Прегель с Л. Ф. Зуровым, 1938–1971 гг. // *Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына.* 2014. № 5. С. 516–605.

³⁰ *Слоним М.* Русский патриотизм // *Новоселье.* 1944. № 7–8. С. 69–70.

³¹ *Сухомлин В.* Свое и чужое. Россия и союзники // *Новоселье.* 1945. № 20. С. 74.

³² *Оцун Н.* Мне трудно без России. Стихи // *Новоселье.* 1947. № 33–34. С. 28.

³³ Михаил Михайлович Коряков (1911, Красноярский край — 1977, США) — писатель, журналист, участник Великой Отечественной войны, военный корреспондент, в 1945–1946 гг. сотрудник советского посольства в Париже, в 1946 г. решил не возвращаться в СССР. Подробнее о нем см.: Коряков Михаил Михайлович // Az-libr.ru. URL: <http://az-libr.ru/Persons/000/Src/0010/04974356.shtml> (дата обращения: 09.12.2020).

³⁴ Коряков М. В советском посольстве // Новый журнал. 1947. № 17. С. 275.

³⁵ Там же. С. 277.

³⁶ Там же. С. 278.

³⁷ Там же. С. 279.

³⁸ Там же. С. 283, 287.

³⁹ Новиков Вл. Встречи с советскими подданными // Новый журнал. 1946. № 12. С. 208.

⁴⁰ Колибри А. Хорошо в краю родном... Буэнос-Айрес, 1956. С. 7.

⁴¹ Маклаков В. А. Советская власть и эмиграция // Русские новости. 1945. 25 мая.

⁴² Вишняк М. В. Соблазн патриотизма // Новый журнал. 1946. № 13. С. 171–172.

⁴³ Там же. С. 187.

⁴⁴ Подробнее о коллекции библиотеки см.: Якимович С. А. Освещение в публичном пространстве архивных документов из коллекции Бориса Суварина // Левые идеологии, движения и организации в истории. Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени: сб. материалов Девятой междунар. конф. молодых ученых и специалистов «Слио-2019» / отв. ред. А. К. Сорокин. М., 2019. С. 456–458.

⁴⁵ Илларион Семенович Ремезов (1881(1884?)–1960), беллетрист, издатель, эмигрировавший в Швейцарию после первой русской революции, вернулся в СССР в конце 1950-х годов. Подробнее о нем см.: Семенова Н. В. Илларион Ремезов — советский друг, швейцарский житель // «Свой» vs «Другой» в культуре эмиграции: сб. статей / ред. А. Данилевский, С. Доценко. М., 2018. С. 70–79.

⁴⁶ Boris Souvarine Collection, Graduate Institute, 4.1.1 C. D. Kouskova's and S. N. Prokovich's archive (далее — C. D. Kouskova's archive). BS Dossier x-02. Объединение лиц родом из СССР. Устав.

⁴⁷ Ibid.

⁴⁸ Сборник законов СССР и указов Президиума ВС СССР, 1945–1946 гг. М., 1947.

⁴⁹ C. D. Kouskova's archive. BS Dossier x-02. Информационный бюллетень. 30 июня 1946 г.

⁵⁰ Ibid.

⁵¹ Александр Михайлович Черняк (1899, Смоленск — 1952, Москва) — эмигрант, научный сотрудник Цюрихского политехникума. После возвращения в СССР был расстрелян по обвинению в шпионаже и измене Родине (Черняк Александр Михайлович // Мартиролог жертв политических репрессий, расстрелянных и захороненных в Москве и Московской области в 1918–1953 гг. URL: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/martirolog/?t=page&id=25900> (дата обращения: 09.12.2020)).

⁵² C. D. Kouskova's archive. BS Dossier x-02. Информационный бюллетень. 31 июля 1946 г.

⁵³ Ibid. 30 июня 1946 г.

⁵⁴ Сергей Иосифович Карцевский (1884, Тобольск — 1955, Женева) — эмигрант (с 1907 г.), лингвист, профессор Женевского университета, председатель Союза советских граждан Швейцарии. Подробнее о нем см.: Фужерон И. И. История одной жизни. Сергей Иосифович Карцевский // Русская речь. 2019. № 1. С. 121–128.

⁵⁵ C. D. Kouskova's archive. BS Dossier x-02. Приглашение и Программа.

Статья поступила в редакцию 1 апреля 2020 г.

Рекомендована в печать 4 сентября 2020 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Рябова Л. К. О патриотизме русской эмиграции: интерпретации и практики в 1940-х годах // Новейшая история России. 2020. Т. 10, № 4. С. 948–963.
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.408>
УДК 329

Аннотация: Патриотические настроения в русской эмиграции периода Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы менее изучены, чем в 1920–1930-х годах. Патриотизм проявлялся в различных формах, понимался эмигрантами по-разному, вызывая острые дискуссии, и отразился как в публицистике, так и в повседневных практиках. На страницах печатных изданий различной направленности отношение к России варьировалось от поддержки советской власти до пораженческих призывов. В этой ситуации достаточно взвешенную позицию, оставаясь непримиримым противником советской власти, занял «Новый журнал», на материалах которого преимущественно рассмотрены «культуры патриотизма». Серьезные разногласия в эмигрантской среде вызывал вопрос о поддержке СССР в войне, а также проблемы послевоенного устройства мира, судьбы европейских демократий и роли в этом России, территориальных приращений и восстановления прежних границ России. Значительная часть пишущих эмигрантов защищала «восстановительную» политику советского правительства в отношении утраченных территорий, другие же не видели опасности в «политике окружения» СССР со стороны его союзников. Опасения возможного территориального распада страны, в частности отделения Украины, стали одним из наиболее ярких проявлений патриотизма, своеобразным историческим инстинктом. В области практических действий заслуживает внимания опыт общения эмигрантов с советскими гражданами, оказавшимися в Европе, и особенно движение за возвращение в СССР. Указанная практика рассмотрена на основе документов, хранящихся в архиве Женевского института международных отношений, в частности на материалах созданного в 1945 г. в Женеве «Объединения лиц родом из СССР», или «Общества для возвращения».

Ключевые слова: эмиграция, Россия, патриотизм, Великая Отечественная война, послевоенный период, возвращенцы.

Сведения об авторе: Рябова Л. К. — канд. ист. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); l.ryabova@spbu.ru

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

FOR CITATION

Ryabova L. K. 'About the Patriotism amongst Russian Emigration: Interpretations and Practices in the 1940s', *Modern History of Russia*, vol. 10, no. 4, 2020, pp. 948–963.
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.408> (In Russian)

Abstract: The patriotic moods in Russian emigration during World War II and in the first post-war years are less studied than those of the 1920s and 1930s. Patriotism manifested itself in various forms, and was reflected both in journalism and in behavioral practices. The attitude towards Russia ranged from support for the Soviet regime to defeatist appeals. The most objective position, albeit implacable in relation to the Soviet regime, was taken by *New Journal*, using materials of which the "cultures of patriotism" were mainly considered. Serious disagreements among the emigrant community raised questions of support for the USSR; questions of the global postwar structure and the fate of European democracies; and restoration of Russia's former borders. A significant number of authors defended the "restoration" policy of the Soviet government toward lost territories. Others did not see danger in the policy of "containment" of the USSR. Fears of a possible territorial collapse of the country, in particular the separation of Ukraine, became one of the most striking manifestations of patriotism. In the field of practical actions, the experience of communication between emigrants and Soviet citizens who found themselves in Europe, and especially the movement for returning to the USSR, deserves attention. This practice is explored

using documents from the archives of the Geneva Institute of International Relations, in particular materials of the "Association of Persons from the USSR" founded in Geneva in 1945.

Keywords: emigration, Russia, patriotism, Great Patriotic War, post-war period, returnees.

Author: Ryabova L. K. — PhD in History, Associate Professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); l.ryabova@spbu.ru

St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

References:

- Antoshin A. V. *Russian emigrants in the conditions of the Cold War: mid-1940s — end of the 1960s* (Moscow, 2008). (In Russian)
- Avksentiev N. D. 'Russia in the war', *Novyi zhurnal*, no. 1, 1942. (In Russian)
- Bocharova Z. S. "'The old anarchy is over...'" Russian pro-German emigration after Hitler's attack on the USSR', *Rossii XXI*, no. 3, 2011. (In Russian)
- Budnitsky O. V. '1945 and Russian emigration: from the correspondence of M. A. Aldanov, V. A. Maklakov and their friends', *Ab Imperio*, no. 3, 2011. (In Russian)
- Burygin D. V. 'The Problem of the Attitude to Soviet Power in Russian Emigrant Journalism of 1945', *Vestnik RGGU. Ser. Literaturovedenie. Iazykoznanie. Kulturologiia*, no. 4, 2015. (In Russian)
- Chamberlin W. H. *The Russian Enigma: An Interpretation* (New York, 1943).
- Colibry A. *It's good in the native land...* (Buenos Aires, 1956). (In Russian)
- Culture of patriotism during the First World War*, ed. K. A. Tarasov, B. I. Kolonitsky (St. Petersburg, 2020). (In Russian)
- Dalin D. Yu. 'Red Army', *Novyi zhurnal*, no. 4, 1943. (In Russian)
- Denike Yu. P. 'Is it possible to save Europe', *Novyi zhurnal*, no. 2, 1942. (In Russian)
- Fougeron I. I. 'The story of one life. Sergey Iosifovich Kartsevsky', *Russkaia rech*, no. 1, 2019. (In Russian)
- Halperin A. V. 'World after the war', *Novyi zhurnal*, no. 2, 1942. (In Russian)
- Karpovich M. M. 'Russia and its Western Allies', *Novyi zhurnal*, no. 7, 1944. (In Russian)
- Karpovich M. M. "'Russian-Polish relations" by S. A. Konovalov. Western borders of Russia', *Novyi zhurnal*, no. 10, 1945. (In Russian)
- Karpovich M. M. 'Two new books about Russia', *Novyi zhurnal*, no. 7, 1944. (In Russian)
- Kerensky A. F. 'About borders and other things', *Novyi zhurnal*, no. 7, 1944. (In Russian)
- Kerensky A. F. 'Respite', *Novyi zhurnal*, no. 1, 1942. (In Russian)
- Koryakov M. 'At the Soviet Embassy', *Novyi zhurnal*, no. 17, 1947. (In Russian)
- Krom M. M. *Patriotism, or The Smoke of the Fatherland* (St. Petersburg, 2020). (In Russian)
- Kulepanova (Shugailo) T. S. 'Soviet Russia on the pages of Russian-language periodicals in the USA in 1945–early 1950s.', *Rossii i ATR*, no. 2 (100), 2018. (In Russian)
- Maklakov V. A. 'Soviet power and emigration', *Russkie novosti*, May 25, 1945. (In Russian)
- Nikolaevsky B. I. "'For yours and our liberties'", *Novyi zhurnal*, no. 7, 1944. (In Russian)
- Nincic M., Ramos M. 'The Sources of Patriotism: Survey and Experimental Evidence', *Foreign Policy Analysis*, vol. 8, no. 4, 2012.
- Novikov V. I. 'Meetings with Soviet citizens', *Novyi zhurnal*, no. 12, 1946. (In Russian)
- Otsup N. 'I find it difficult without Russia. Poems', *Novosel'e*, no. 33–34, 1947. (In Russian)
- Ruchkin A. B. "'Speak with the Russians on behalf of the Russians". Russian emigration in the plans of the American special services at the beginning of the Cold War', *Gosudarstvo i grazhdanskoe obshchestvo: politika, ekonomika, parvo*, no. 3, 2017. (In Russian)
- Ryabova L. K. "'New Journal": journalism of the post-war period (1945–1952)', *Emigrantika/Emigrantica: periodicheskie izdaniia russkogo zarubezh'ia (voprosy istochnikovedcheskoi kritiki): materialy mezhdunar. konf. 15 oktiabria 2011* (St. Petersburg, 2012). (In Russian)
- Saunders A. *Honecker's Children: Youth and patriotism in East(ern) Germany, 1979–2002* (Manchester University Press, 2007).
- Schatz R. T., Staub E., Lavine H. 'On the Varieties of National Attachment: Blind versus Constructive Patriotism', *Political Psychology*, vol. 20, no. 1, 1999.
- Schuplenkov O. V. 'Education of patriotism in the Russian Abroad of 1920–1930s as a means of national identification', *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov, Ser. Istorii Rossii*, no. 2, 2011. (In Russian)

- Semenova N. V. 'Illarion Remezov — Soviet friend, Swiss resident', "Svoy" vs "Drugoy" v kul'ture emigratsii: sb. statey, eds A. Danilevskiy, S. Dotsenko (Moscow, 2018). (In Russian)
- Shugaïlo T. S. 'Anti-Soviet propaganda in Russian emigrant publications in the 1950s (from newspapers "Russia" and "New Russian Word")', *Oikumena*, no. 4, 2010. (In Russian)
- Slonim M. 'Russian patriotism', *Novosel'e*, no. 7–8, 1944. (In Russian)
- Sukhomlin V. 'Own and stranger. Russia and the Allies', *Novosel'e*, no. 20, 1945. (In Russian)
- Timashev N. S. 'After Moscow and Tehran', *Novyi zhurnal*, no. 7, 1944. (In Russian)
- Timashev N. S. 'Is Russia doomed?', *Novyi zhurnal*, no. 17, 1947. (In Russian)
- Timashev N. S. 'Strength and weakness of Russia', *Novyi zhurnal*, no. 2, 1942. (In Russian)
- Timashev N. S. 'War and religion in the Soviet Union', *Novyi zhurnal*, no. 5, 1943. (In Russian)
- Tribunsky P. A., Khazan V. I. "'Mentally your S. Pregel". Correspondence S. Yu. Pregel with L. F. Zurov, 1938–1971', *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh'ia imeni Aleksandra Solzhenitsyna*, no. 5, 2014. (In Russian)
- Vishnyak M. V. 'Russia, Europe and the world after the war', *Novyi zhurnal*, no. 1, 1942. (In Russian)
- Vishnyak M. V. 'The temptation of patriotism', *Novyi zhurnal*, no. 13, 1946. (In Russian)
- Vishnyak M. V. 'The Truth of Anti-Bolshevism', *Novyi zhurnal*, no. 2, 1942. (In Russian)
- Voytinsky V. S. 'After the victory', *Novyi zhurnal*, no. 7, 1944. (In Russian)
- Yakimovich S. A. 'Lighting in the public space of archival documents from the collection of Boris Souvarine', *Levye ideologii, dvizheniia i organizatsii v istorii. Istoricheskie dokumenty i aktual'nye problemy arkhografii, istochnikovedeniia, rossiiskoi i vseobshchei istorii novogo i noveishego vremeni: sb. materialov Deviatoi mezhdunar. konf. molodykh uchenykh i spetsialistov "Clio-2019"*, ed. by A. K. Sorokin (Moscow, 2019). (In Russian)
- Zhovtun D. T., Merkushev V. I. 'Approaches to the scientific definition of patriotism', *Sotsiologiya vlasti*, no. 1. 2005. (In Russian)

Received: April 1, 2020

Accepted: September 4, 2020